

ЖИТИЕ СВ. АЙБЕРТА ТУРНЭСКОГО

Роберт, архидиакон Остреванский

Пер. с лат. Aybertus Presbyter, reclusus Ordinis Benedictini, in Hannonia (S.), vita auctore Roberto Archidiacono Ostrevandensi // AASS Apr. T. I c. 673-680

В переводе Константина Чарухина

ПИСЬМО АЛЬВИЗУ, ЕПИСКОПУ АРРАССКОМУ

[1] Я, убогий и недостойный Роберт, снисхождением Божиим архидиакон Остреванский, составил по вдохновению Божию очерк о жизни и нравах его преподобия досточтимого пресвитера Айберта, каковой передаю Вашему Преосвященству, Владыко предстоятель Альвиз, дабы Вы внимательно прочитали его и с высоты священной своей власти одобрили всё, что при чтении Вам покажется удачным, а то, что требует исправления, велели изменить. Знаю ведь, прочёл у некоего мудреца, что нет совершенства в человеческих действиях и ничто не бывает полностью благим. Поэтому мне будет не очень стыдно, если в нашей работе вдруг обнаружится какое-нибудь несовершенство, ибо стараниями мудрого друга её можно будет усовершенствовать. Мне ж гораздо милее принять поправки тех или иных неудачных мест в моей рукописи с Вашей благоразумной подсказки наедине и по-отечески, нежели прилюдно попасться на гнилой зубок (ср. *Гораций, Эподы, 5:47*) какому-то заурядному зложелателю. Ведь образцом и примером, достойным подражания, нам тут служат древние поэты и мудрецы, которые поручали чтение своих книг мудрым друзьям, чтобы, обнаружив в них не особенно правильные выражения, те поправили их с братской мягкостью, прежде чем оные сочинения выйдут в свет. Написано же: «Пока не издашь – переделывать ловко» (*Гораций, О поэтическом искусстве, 389. – пер. А. А. Фета*).

Итак, обговорив это, Ваше Преосвященство, я, скажем так, клятвенно утверждаю и утвердительно клянусь, что, хоть и будучи сам безобразным живописцем и добродетели чуждым, изобразил в сей книжице красками добродетелей прекрасного человека, сознательно не примешивая [к своему рассказу] ни малейшей лжи, ибо по милости Божией истина так обильна, что незачем было прибегать к тлетворным выдумкам. Посему я счёл бы чуть ли не святотатством затемнять достойное житие и доброе имя ангельского мужа грязными пятнами выдуманных прикрас, ибо он сам ложью при жизни гнушался, как нечестием. Ибо тот, кто попытается почтить, а почтив, возвеличить благочестивого человека, живого или покойного, ложными похвалами, по необходимости должен беречься, как бы из-за обмана не угодить в западню погибели. Написано ведь: «Погубишь всех, говорящих ложь» (*Пс. 5:7. – пер. П. Юнгерова*). Итак, от Всемогущего Бога, Который есть Истина и Коему отвратительно беззаконие всякой неправды, такой хвалитель сам себя убийственно далеко отчуждает. Ибо «клеветующие уста убивают душу» (*Прем. 1:11*) и такая похвала не приятна никому, особенно мудрому (ибо ложью при этом обесцениваются слова приятные и благие). Поэтому, предвидя все это, я не допустил примеси обмана к писаниям моим, ибо знал, что малая капля пагубного обмана будет бродить и брожением заквасит всё тесто (ср. *1 Кор. 5:6, Гал. 5:9*) чистой правды; и рассудил я, что лживых выдумок следует избегать. Бывайте здоровы.

ПРОЛОГ

[2] Подобно тому, как в древности был обычай воздвигать изваяния великих полководцев и победителей олимпиад или триумфальные арки, на которых ради памяти и почитания изображали победы и самые образы выдающихся мужей, чтобы смотрящие на них неким образом вдохновлялись на доблестные поступки, так и ныне есть обычай создавать литературные произведения, в которых описываются славные деяния или изречения святых отцов, дабы читающие или слушающие сии повести сами горячо воспаменялись на свершения, достойные рассказа и описания. Итак, подражая сему примеру, я решил старательно (в меру посредственных своих способностей) описать житие святого священника Христова, его преподобия Айберта, согласно тому, что я узнал от богобоязненных и правдивых мужей, а наипаче – от его преподобия Алульфа, добросовестного монаха, который знал его тайны лучше остальных; дабы читающие или слушающие сие попытались подражать святому мужу если не во всём, то хотя бы частично; либо же благоговейно просили его быть им любящим заступником у милосердного Бога и скорым помощником. Ибо нам показалось, что будет весьма неподобающе и несообразно, если славные подвиги и деяния столь великого человека покроет молчание. А поскольку Господь сделал дивным слугу Своего (*ср. Пс. 4:4, – пер. П. Юнгерова*), наделив его силою и страдать чудесно, и действовать, то и мы тоже по долгу братолюбия должны в меру скромных возможностей наших красками и узорами слов в письменах показать, как он был дивен (*mirificare*). Если бы мы были в достатке наделены даром утончённого красноречия, и «уста наши были бы с нами» (*ср. Пс. 11:5*), помогая услаждать слух и сердце слушателей благозвучием и изяществом расстановки слов, то мы могли бы привлечь их внимание и расположить к подражанию нижеописанным деяниям досточтимого мужа. Но коль уж способностей не хватает, хоть воля на месте. Итак, помолимся Святому Духу, дивному и славному во святых Своих, дабы во славу и хвалу имени Своего и святого мужа, а также на благо нам и слушателям нашим, дал мне сил завершить достойно и похвально предстоящее повествование о святом муже.

ГЛАВА I. БЛАГОЧЕСТИВАЯ ЮНОСТЬ, ОТШЕЛЬНИЧЕСКОЕ ЖИТИЕ, ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ, ВСТУПЛЕНИЕ В ИНОЧЕСТВО

[3] Итак, блаженный Айберт, славный священник Христов, уродился в округе Турнэ, а именно в местечке, называемом Эспен. Более отличившийся добродетелями и святыми подвигами, нежели знатностью рода, он всё же удостоился происхождения от родителей набожных и знатных. Ибо его отцом, как уверенно говорят, был рыцарь по имени Альбальд, а мать его звали Хельвидой; оба – особы благородные и приличные, Бога боящиеся и любящие. А поскольку, как свидетельствует Псалмопевец, «род правых благословится» (*Пс. 111:2*), то верим, что они именно в награду за благость свою родили сына, удостоившегося небесного благословения, что яснее ясного видно из нижеследующего рассказа.

[4] Итак, чтобы изложение событий шло естественно и прямолинейно, в дальнейшем описании деяний святого мужа нам прежде всего подобает сказать, какие предзнаменования или начала будущей святости проявлял одарённый ребёнок, научаемый не буквой, но Духом (*ср. 1 Кор. 3:6*) Святым, Который дышит, где

хочет (*Ин. 3:8*), и вдохновляет, кого хочет. Ибо когда он был малым ребёнком, имел в обыкновении чрезвычайно часто вставать тайком ночью с постели и, преклоняя колени, простираться на земле и целовать её, томя всё тело бесчисленными покаянными поклонами. Он не желал, чтобы хоть кто-нибудь узнал, что он тогда постоянно недосыпал, но не смог этого утаить, ибо слуги проведали, как он себя ведёт. Но поскольку он не хотел иметь иного судьи и свидетеля своих трудов, кроме Христа, то, боясь, что Ему будет неуютно угождение людям, уходил в овчарню, думая, что там удастся лучше скрыть свои подвиги, обычно свершаемые в другом месте. Но в итоге его однажды снова нашли: он лежал ничком на земле, измученный чрезмерным количеством поклонов. Однако от благих трудов своих он всё равно не прекратил, но, удаляясь, насколько возможно, от людских взоров, искал других укромных уголков, чтобы как следует спрятаться, поскольку он не желал лишиться славной награды из-за общего одобрения. Ведь всякий, кто поставил всё на похвалу людскую, тот неумён, хуже того – близок к безумию, коль не внемлет словам апостола: «Если бы я... угождал людям, то не был бы рабом Христовым» (*Гал. 1: 10*).

Причём не только сими проявлениями любви к Богу томил он тело, но и сурово смирял его, часто прибегая к постам, однако постился осмотрительно, ибо в тот день, когда он замышлял попоститься, съедал кусочек яблока или чего-нибудь другого на случай, если вдруг отец, не желавший, чтобы малец голодал, спросит, ел ли он, правдивый мальчик мог уверенно ответить, что ел. И, возможно, он слышал: «Клеветующие уста убивают душу» (*Прем. 1:11*), потому что не имел привычки ни обманывать, ни даже слов шутливых молвить или праздных, а потому в день суда ему не придётся давать отчёта за праздное слово (*Мф. 12:36*).

Нельзя умолчать и о том, что, когда он пас в поле отцовский скот, то, услышав звон колокола, оставлял стадо и мчался в церковь, в скромную меру разумения своего вознося ко внемлющему Богу хвалы и моления. Стоит ли удивляться сему, ведь написано: «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу» (*Пс. 8:3*).

[5] Таковы были первые добродетели и благие дела славного мальчика, а подросши и развившись, он, ведомый Святым Духом, со всех ног поспешил к куда большим свершениям, которые сейчас в свою очередь будут с содействием Божией благодати представлены по ходу повествования.

Так, в самом цвете юности он зачастил к церковным порогам, с благоговением взыскав слышания слова жизни, ибо усвоил муж боголюбивый сказанное Господом: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его» (*Лк. 11:28*). Ещё пребывая в мире, он мало-помалу отвращался от мирских похотей и соблазнов, а отвратившись, презрел их и задумал посвятить себя одному Всемогущему Богу, опасаясь, как бы не стать врагом Божиим, будучи другом миру (*ср. Иак. 4:4*). Сего ради, возжелав жития более сурового, он немного позднее совсем отказался от мирских соблазнов. Ну а как он по благодати обратился [на путь иноческий], изменил свою жизнь, оставил мир и в каких занятиях и подвигах благополучно прошёл тесный и узкий путь к Богу, о том стоит дать себе труд рассказать, а послушать приятно и душеполезно.

И вот, когда он, будучи молодым мирянином, жил в доме отца своего, хотя и любил, как сказано, святость, вдруг услышал однажды песню скомороха, в которой рассказывалось о житии и подвигах св. Теобальда (*Отшельника, 1033 – 1066 гг., пам. 30 июня*), и суровой его аскезе, которую он до смерти никогда не оставлял, и о том, как он, наконец, вошёл в славу вечную. И вот, как он услышал сие и воспринял слухом сердечным, тотчас вдохновила его Божественная благодать на то, дабы впредь не вкушать ни мяса, ни сала; не [носить] одежд льняных, а только шерстяные

и волосяные, дабы радостно служить Всемогущему Богу в холоде и в наготe. Посему стал он усердно искать общества иноков, вместе с которыми можно было бы голодом, жаждою, постами, бдениями и частыми молитвами укрощать тело, приучая его к покорности, укреплять дух, подчиняя плоть разуму.

[6] И во время своих поисков встретился ему некий странник, которого его отец приютил, проводил и указал дорогу. То был муж великой святости и дивного воздержания – славный иерей по имени Иоанн, обитавший в некоем скиту вдали от людского шума и суеты, там, где, говорят, жил прежде св. Домициан (*ученик св. Ланделина; пам. вместе со св. Хаделином – 15 июня*). Причём иерей этот был монахом Криспина, но с разрешения дома Райнера, аббата обители Криспин, поселился в этом пустынном месте, и досточтимый Айберт заключил с ним союз братской любви, дабы служить им там Господу единым духом и обоюдною волей.

Так просто в подробностях и не опишешь, сколько несчастий, и бедствий, и лишений терпеливо переносили они в оном месте ради надежды на жизнь вечную, не преставая постоянно свершать хвалы Богу и молитвы к Нему; ибо с одной стороны угнетали их муки от наготы и холода, а с другой – томила скудость телесной пищи. На протяжении многих дней они хлеба в глаза не видывали, но довольствовались травами и кореньями, обилия которых в тех краях тогда не наблюдалось. Что ж ещё поведать о тяготах сих мужей? Такой голод их изнурил, такая скудость, так бледны они стали от поста, бдений, молитв, мучительного холода и наготы, что казались совершенно не похожими на людей и не выглядели по-людски. Так, согласно рассказу самого отца Айберта, когда однажды он вышел по настоятельной необходимости из скита своего, пастухи, увидев его, косматого и закутанного в безобразные лохмотья, разбежались, решив, что это привидение. Ещё он говорил, что страшно мёрз, отчего даже надевал одежду, которую монах снимал, переодеваясь к мессе, опасаясь, как бы тем временем не околеть от стужи. Чему тут удивляться? Ведь часто случалось зимой, что за недостатком хлеба они, разбив лёд, руками вытаскивали из воды водоросли, питаясь которыми, им едва удавалось сохранить жизнь, ведь больше есть было нечего. Возможно, они, подобно Апостолу, думали, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас (*Рим. 8:18*).

Ещё слуги Божии считали, что чем суровее кто обращается с собой в этой жизни, тем глубже он проникается любовью небесною; точно так же наоборот, чем сильнее кто упивается низшими удовольствиями, тем дальше он от вышней любви. Возможно, они, тонко проникнув в сие сердечным взором, говорили себе, что они «рабы ничего не стоящие» (*Лк. 17:10*), по закону делающие всё то, что стараются делать добрые [слуги], но не могущие сделать ничего от избытка или сверх должного, поскольку, хотя бы человек и оправдался делами своими (*ср. Гал. 2:16*), однако, как бы ни был он праведен, не может спастись без помощи Божией благодати и милости, как говорит Апостол: «...Не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (*Рим. 9:16*). Поэтому всё доброе, что делали, они приписывали не себе, а Отцу светов, от Коего всякий дар совершенный нисходит (*ср. Иак. 1:17*).

Ну а во время описанных выше событий человек Божий мало-помалу заучивал Псалтырь.

[7] И вот как раз о ту пору пришлось дому Райнеру, аббату Криспина, с целью подтверждения вольностей своего монастыря отправиться к порогам апостольским, причём он решил взять с собою этих двух мужей, связанных с ним узами любви. Сколько трудов и лишений претерпели в пути сии три святых мужа, по-братски друг

друга любившие, одному Богу ведомо; ведь они шли совершенно босо, одетые во власяницы, денег имея немного, а богатые преизбытком нищеты. На муле, которого они взяли с собой, почти никогда не садились, а предлагали подвезти ослабелых и хворающих паломников. Когда они прибыли в Рим, им сказали, что святой памяти папа Урбан (II, ок. 1042 – 1099 гг.), которого они искали, был в Беневенто. Услышав это, дом Айберт и брат Иоанн не осмелились предпринять такое долгое путешествие как потому, что они не полагались на свои телесные силы, так и потому, что брат Иоанн был болен. Соответственно, по совету и с содействия вышеупомянутого аббата они отъехали в Валломброзу, чтобы там ждать его, пока он не вернется. А там они обнаружили монахов дивного воздержания и высокой жизни, которые, окружив их нежной заботой и радушно принимая, уговаривали остаться навсегда. Ибо эти монахи, о которых идёт речь, по достоверным свидетельствам многих, твёрдо и неукоснительно соблюдают устав св. Бенедикта, живя трудом рук своих, непрестанно утруждая тела многоразличными работами в надежде на жизнь небесную; в строгости подвига радуют о любви Божией; доброту проявляют, принимая странников и бедняков; милость оказывают, погребая ближних; кроме того, им нет равных во всех видах подвижничества, и, как признались двое вышеупомянутых мужей, они превосходят в святости всех монахов, которых они до тех пор видали. Пробыв с ними какое-то время, они по собственному свидетельству получили от них много уроков праведного жития.

[8] Ну а между тем аббат Райнер с немногими спутниками продолжал путешествие и, добравшись в Беневенто, был с честью принят владыкою папой Урбаном, и те защитительные грамоты, которые смиренно попросил для своего монастыря, получил без малейших затруднений. Итак, покончив с делами и приняв апостольское благословение, аббат в веселии и радости возвратился к своим товарищам, которые вместе с киновиатами радостно его приняли.

Хотя в этом месте мы на первый взгляд отвлеклись от хода повествования, вдаваясь в описание киновитов Валломброзы и их образцового жития, однако разумный человек может увидеть, что все высказанные о них похвалы вполне стройно и сообразно связаны с повествованием, потому что, когда мы возвеличиваем их, описывая их выдающиеся дела, мы неким образом косвенно превозносим и того, ради кого взяли за написание этой повести, и кто, как он сам рассказывал, небесплодно воспринял от них много примеров, побуждающих к служению Божию. И неудивительно, ибо, как свидетельствует Псалмопевец: «Со святым будешь свят» (Вульг. Пс. 17:26).

[9] Наконец же после основательного отдыха слуги Божьи попрощались с братией и, воздав множественные благодарения и хвалы за уделённые им милости, отправились домой, много, как уже говорилось, претерпев на путях-дорогах своих. Аббат вернулся в монастырь, а двое святых мужей – в скит.

И там однажды ночью дом Айберт, улегшись поспать, вдруг увидел во сне, как между Эно и Св. Амандом выросло высочайшее дерево, а на него слетел белый ястреб или орел, принёс монашеское облачение, и Айберт в видении надел его. Взволнованный этим видением, он проснулся и стал напряжённо размышлять о том, что оно предвещает. В конце концов ему показалось правильным, что согласно смыслу видения нужно стать монахом [в общежительной киновии]. Сего он легко добился от дома Райнера, аббата Криспинского, святой памяти мужа. Монахи сначала возражали, а потом согласились, ибо они видели в нём существо убогое и презренное, не думали, что он станет таким, как окажется впоследствии. Так и бывает, что нечто поначалу кажется низменным, а впоследствии по воле Божией

высоко поднимается, как написано о Давиде. Итак, он стал монахом по небесному благословию.

Ну и потом, некоторое время спустя, он стал приором этой киновии и – по единогласному решению братии – келарем, ибо они понимали, что в этих делах он будет чрезвычайно успешен. Так вот, на этих должностях он и внешне, и внутренне так ревностно служил Всемогущему Богу и братьям своим, что был любим всеми. Ведь он всегда радел об общем благе, трудясь на общую пользу, а поскольку во всём соблюдал осмотрительность, то и работа у него, как говорится, спорились всячески. Он был готов взяться за любое внешнее дело, когда того требовало благо братии или необходимость. А о монастыре он заботился, как любящая мать – о детях; был искренне гостеприимен, нищим оказывал щедрость, а к себе был скуп, и что отнимал у себя, отдавал другим. Но паче всего он любил мир и согласие между братьями; ропот и клевету и тому подобное, что обычно наблюдается в монастырях, ненавидел и искоренял. Что же касается владения собственностью, то сие по, его утверждению, смертоносно для монаха и во всех отношениях отвратительно.

[10] Впрочем, нельзя умолчать и о том, какую он устроил себе жизнь в киновии. Итак, тело своё он поддерживал, умеренно вкушая раз в день хлеб и воду, овощи и бобы и фрукты; молоко же и сыр или рыба не входили в уста его (*ср. Деян. 11:8*). Плоть он укрощал страшно колючей власяницей. Говорят, кровати у него не было никакой, а почивал он – довольно умеренно, – прилёгши на скамье или другом деревянном предмете. Перед утреней он имел обыкновение обязательно петь Псалтырь. Чрезвычайно часто преклоняя колени, он помногу проливал слёзы, обильно его орошавшие, а посему мог по праву сказать с Псалмопевцем: «Утомлён я воздыханиями моими: каждую ночь омывал ложе мое, слезами моими омочал постель мою» (*ср. Пс. 6:7*).

Так дивно он подвизался в обители в течение двадцати пяти лет, всегда имея на устах хвалу Божию. Причём голод, жажда, холод и всякого рода телесные скорби, казалось, заменяли святому мужу наслаждения, ибо он всегда выглядел довольным и веселым. Ведь святые мужи, созерцая порою умом грядущее наказание нечестивых и славу праведников, легче переносят ради Бога любые страдания, поскольку с одной стороны их влечёт надежда на вечную славу, а с другой – страшат вечные муки; таким образом, терпя муки временные, они избегают вечной, а избежав вечной, удастаиваются венца непреходящего. Так и выходит, что рабы Христовы, уберегаясь того, что тяжелее, легко сносят менее тяжкое, хоть бы и весьма обременительное.

Итак, благим стало для сего духовного человека иго Христово и бремя Его – лёгким. Притом наряду со множеством добродетелей, которыми он блистал, он, говорят, сохранил чистоту и девство телесное от чрева матери своей, что является печатью ангельской и первейшим знамением добродетелей.

ГЛАВА II. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СКИТ. СУРОВЕЙШАЯ ЖИЗНЬ, НЕСМОТРЯ НА СВЯЩЕННЫЙ САН

[11] Короче говоря, хотя сие может показаться великим и удивительным, однако он всё то доброе, что сотворил, счёл ничтожным и возжаждал затвора в скиту, дабы без помех проводить там время в божественных хвалах и молитвах, а тело ещё суровее укрощать. Итак, прежде чем покинуть монастырь, он велел устроить келлию в

безлюдном месте, а когда она была приготовлена, насилу добился от аббата Ламберта разрешения покинуть киновию и поселиться в келлии, ведь монастырская братия весьма нуждалась в нём. Получив, наконец, сие [разрешение], удалился в затвор, где провёл всю жизнь, воинствуя Господу под началом аббата Криспинского.

А как сурово он там упражнял своё тело! О том и послушать стоит, и подражать тому. Ибо ведь пребыл он в затворе двадцать пять лет, из которых двадцать два года воздерживался от всякого хлеба и двадцать – от всякого питья. Притом он не был связан никаким обетом, а добровольно на столько лет полностью отказался от хлеба, питья и другой пищи, необходимой для тела.

[12] А как так вышло, что он воздерживался от хлеба? Кто имеет уши слышать, да слышит (*Мф. 11:15*), ибо весьма умирительно и сладко услышать сие.

Случилось же однажды в зимнюю пору, что место, где жил сей муж, так окружили воды разлива, что никто не мог добраться до него, равно как и от него выбраться. Поэтому, страдая от нехватки хлеба и лишённый св. мессы (ибо сам он ещё не был священником), Айберт ужасно огорчился, и однажды ночью он горько сетовал, а посетовав, стал сердечно молить Святую Деву Марию умиловаться над его несчастьями, заклиная её примерно такими словами: «О Дева, всех дев святейшая, Мария! Ты, родив Сына Божия, принесла радость заблудшему миру; Ты, источник материнской любви и полноводный поток милости, помоги мне, несчастному, изголодавшемуся по телесному хлебу и лишённому св. мессы!»

Сказав это, человек Божий тотчас уснул, и тут же явилась рабу Божию в видении Пресвятая Богородица Дева в облике несравненно прекрасной женщины, со множеством девиц ростом пониже. Увидев их, Айберт сказал во сне: «Прежде, если я замечал в обители женщин, то выгонял их оттуда; как же вы посмели прийти сюда?!» Но что ему Дева Святая: «Молчи, брат, Я – Дева Мария, Которую ты так жалостно призвал. Чего хочешь?» Он же в ответ: «Помоги мне, грешному, в чём я нуждаюсь, ведь ты прекрасно знаешь, в чём!» И сказала ему Владычица: «Веришь ли, что Всемогущий Бог может питать тебя без хлеба?» Он же в ответ: «Верю, Владычица!» А Она ему: «И ещё: отчего ты сетуешь, что не можешь послушать мессы? Ведь жизнь твоя целиком и всё, что ты делаешь, – литургия!» Затем Владычица взяла в видении кусочек хлеба и вложила его в рот святого мужа. Он же, потрясённый сим видением, с того часа так изменился, что не имел больше охоты на хлеб и не искал его себе в пищу, довольствуясь травами, кореньями и теми убогими яствами, которые и прежде он приучился есть.

[13] Хочешь знать, как воин Христов красовался, как в порфиру и виссон одевался (*ср. Лк. 16:19*)? А вот как: от макушки до пят облачён он был в страшно колючую власяницу. Если полюбопытствуешь насчёт постели, то кроватью ему служила, как мы уже говорили, скамья или какой-нибудь другой деревянный предмет, а под голову он подкладывал грубый мешок. Почто повторять уже сказанное?! Какие бы благие подвиги ни вершил сей раб Божий до того, как ушёл в затвор, в затворе он умножил их и, став к себе суровее, усовершенствовал. Если прежде он плакал горько, то теперь куда горше; если прежде горел любовью, то теперь стал ещё горячее; если прежде постился на хлебе и воде, то потом много лет, как мы уже говорили, не вкушал ни того, ни другого – и так же, благодаря более строгому житию, он приумножил и прочие благие подвиги, творимые ранее.

Показав, как достойно сей боголюбец холил и лелеял внешнего человека, за милую душу будет описать пером, как славно украсил он внутреннего. Итак, облёк он его в багряницу, червлёную двумя красками: терпением и любовью, – и снарядил в иные

оружия света (*ср. Рим. 13:12*), дабы оный воин Христов, защищённый с обеих сторон, мог вести себя спокойно и благочинно (*ср. Рим. 13:13*) днём пред лицом взыскательного и ужасающего Судии, когда праведник едва спасается (*ср. 1 П 4:18*), ибо пророк Малахия говорит о дне сем: «Кто выдержит день пришествия Его, или кто устоит, когда явится оный?» (*ср. Мал. 3:2*)

Так, ратоборец Христов, внутри и вовне защищённый оружием правды, мог непрестанно вести победную брань с силой оружною, грозной и страшною, то есть Левиафаном, который без малейшего труда всосав полноводный поток, жаждет втянуть и Иордан (*ср. Вульг. Иов. 40: 18*), сиречь стремится поглотить верующих заодно с неверующими.

[14] Между тем, благоухание [его святости] наполняло мир, и устремился к нему народ. Тогда же по совету мудрых мужей его поначалу сделали аколитом, потом владыка Бурхард, епископ Камбреский, поставил его субдиаконом и диаконом, а в конце концов, как бы исхитив из мирского звания, возвёл во священный сан, дабы он имел больше полномочий при духовном окормлении приходивших к нему людей и глубже понял их сокровенные мысли, выслушивая исповеди.

И вот, став пресвитером, он служил по две мессы в день: одну за живых, другую за умерших. На бдениях по умершим он по ходу девяти чтений совершал следующие песнопения: в первой части бдения он напевал пятьдесят псалмов, после чего шли три последующих чтения; то же он делал во второй и третьей части. В итоге на бдении своём он пел пятьдесят псалмов трижды, что составляет целую псалтырь с девятью чтениями в промежутках, что было бы обременительно и тяжело, не делай он этого от сердца. Сотни раз в день он преклонял колени и пятьдесят раз простирался ниц, приподнимая при этом руки со сложенными ладонями и произнося при каждом поклоне: «Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с Тобою, благословенна Ты между жёнами, и благословен плод чрева Твоего». Псалмы и молитвы звучали в устах его непрестанно, если только тому не мешали люди, просившие совета (впрочем, если присмотреться, он и при этом не прекращал молитвы). Деньги? Да он коснуться их руками страшился, как гадины ядовитой, не то что взять! А если кто всё же настоятельно хотел ему что-нибудь подарить, он просил передать это в монастырь Криспин, томимый множеством различных нужд.

[15] Что ещё тут сказать? Если бы этот муж был виновен во всех возможных преступлениях и, раскаявшись, захотел бы их искупить тяжкими подвигами, что он мог бы сверх того сделать? Кто в наши времена так возненавидел душу свою, дабы спасти её для вечной жизни? (*ср. Лк. 14:26, Лк. 9: 24*) Кто так самого себя мучил? Ведь если бы какой-нибудь тиран, держа его в оковах или цепях, лишил его хлеба и питья хотя бы на три-четыре дня, это сочли бы прискорбным и пагубным; а он добровольно лишал себя их, да притом много-много лет, хотя, как известно, он не был повинен ни в каких преступлениях, а многих добродетелей полон.

Мы, впрочем, не пытаемся представить дело так, словно бы он [совсем] не знал греха; он был чужд [лишь] провинностей смертных, ведь, как свидетельствует блаженный Иоанн Богослов: «Если говорим, будто не имеем греха, то мы лжём» (*ср. 1 Ин. 1:8, 1:6*).

И вот сей живой камень (*ср. 1 П. 2:5*), оными подвигами и прочими тяготами обтёсанный, со всех сторон выглаженный и закруглённый, удостоился своего места в здании Небесного Иерусалима, где драгоценные камни, обтёсанные гонениями и преследованиями, сверкающие самоцветами и жемчугами превосходных заслуг

своих, воссияют вечным и чудесным блистанием, ибо написано: «Воссияют праведники» (ср. Мф. 13:43).

Что же ещё сказать о муже сем? Мучеником или исповедником назвать его? Нет, вернее будет величать его и мучеником, и исповедником. Ибо хотя он и не удостоился венца за пролитие крови, однако всё же влѣк крест Господень и, претерпев мученичество в воле и устремлении, увенчан был славой и честью. Мучеником он стал, когда распял плоть со страстями и похотями (ср. Гал. 5:24); и опять же мучеником он стал, отрекшись от всех плотских удовольствий, хотя в обычном словоупотреблении мучениками называют тех, кто облачился в багряницу кровавых страстей либо иным насильем был погублен гонителями. Такого рода мученическую кончину он претерпел лишь в воле своей, но для Бога нет ничего дороже благоволения, ведь если бы вдруг вернулись времена гонений (что, как многие думают, случится наверняка), он встретил бы гонителей с ликованием и радостью и добровольно подставил бы шею под убийственный удар. Поскольку же иного способа не было, он изыскал другой вид мученичества; сиречь принѣс себя самого в жертву живую (ср. Рим. 12:1) Всемогущему Богу в благоухание приятное (ср. Еф. 5:2), став жестоким гонителем собственной плоти, что недалеко от тех мученических страстей, какие причиняют тираны. Ведь написано же, что блаженный апостол Иоанн испил чашу Господню, но не написано, что он пролил кровь за Христа, а мирно окончил жизнь свою. Пусть только никто не подумает, будто я так повредился умом, что могу одно с другим поставить в один ряд, хотя бл. Иоанна называют «Девственником, избранным Господом» (антифон на праздник Иоанна Евангелиста, XI в. – прим. пер.), и сказано, что Он любил его более остальных (ср. Ин. 13:23, 19:26, 21:7, 21:20). Я только пытался показать на примере апостола, что иногда кому-нибудь удаётся испить чашу Господню без пролития крови.

[16] Ну а исповедником он был потому, что сердцем, устами, образом всех своих добрых дел воздавал хвалу Богу и многих привлекал добротой и кротостью, склоняя омыть грязь свою в исповеди. Исповедуют ведь иногда грехи, а иногда хвалу и благодарение, ибо когда Сын Божий говорит Отцу: «Исповедую Тебе, Господи, Отче неба и земли» (Вульг. Мф. 11:25), то это исповедание не греха, но хвалы и благодарения, ведь Сам Сын Божий ни согрешил, ни мог согрешить. И даже если бы мне вдруг было даровано Туллианово красноречие, то величие святости [Айберта] превзошло бы возможности красноречия, а слова закончились скорее, чем дела [и ими описываемые]. Ведь я часто, братья мои, читал и перечитывал жития святых отцов, в которых встречаются [описания] мужей удивительного воздержания, но не нашёл никого, кому сей [подвижник] уступал в укрощении плоти. И кому по силам со всей точностью начертать святость сего блаженного иерея? Ведь он, отказавшись от еды человеческой, вкушал пищу скотскую, и пища скотская сделалась для него целительным лекарством, ибо, питаясь рожками, пригодными для свиней (ср. Лк. 15:16), он вполне заслужил съесть Хлеб ангельский.

Итак, ангельский сей человек вкушал Хлеб ангельский, который сходит с небес и даёт жизнь миру (Ин. 6:33). Ведь человек этот, подвизаясь, воздерживался от всего, что ратоборствует против души, и тоже получил награду, предназначенную для хороших бегунов, ибо бежал хорошо (ср. 1 Кор. 9:24-25). Потому что [награда полагается] не только одному – по правилу соревнований, а скорее для всех хороших бегунов – по закону небесному.

ГЛАВА III. РЕВНОСТЬ О СПАСЕНИИ ДУШ. КАК ОН ПРИНИМАЛ ИСПОВЕДИ

[17] Описав выше, как он жил для себя, стоит, видимо, рассказать и о том, как он по долгу братской любви жил ради других. Ведь, окормляя советами [ближних], он и другим принёс пользу, и, конечно, своё блаженство многократно приумножил.

Итак, сия свеча, горящая огнём любви и излучающая свет добродетелей, которую надлежало ставить не под сосуд, а на подсвечнике (*ср. Мф. 5:15*), разлила своё сияние по всему миру. Молва о его поразительных благодеяниях разнеслась повсюду, что побудило людей из разных народов ринуться к святому мужу толпами, желая узреть лик его и услышать его слова, и стремясь исповедаться ему в гнусных своих прегрешениях. Он же принимал всех с радостным сердцем и весёлым лицом, нежно утешая приходящих к нему.

И был у него как бы природный дар становиться всем для всех (*1 Кор. 9:22*), приходящих к нему, сообразно их состоянию, ведь он желал создать из них народ особенный, ревностный к добрым делам (*ср. Тим. 2:14*). Сострадая опечаленным и страждущим, а счастливым и радостным сорадуясь, он тем и этим с отеческой любовью помогал советом, ибо их невзгоды и успехи воспринимались им, как свои собственные, что служит наглядным доказательством истинной любви. Ибо написано: «Любовь подтверждается предъявлением дела» (*распространённый в латинской патристике афоризм, приписываемый св. Григорию Двоеслову. – прим. пер.*).

[18] Ну а с тех, кто приходил к нему исповедаться, он первым делом чуть ли не клятву брал, что, выслушав его совет, они обратятся к епископам и в тех же злодеяниях исповедуются им. Если же попадались ему упрямы, клявшиеся, что никому другому не сообщат о своих преступлениях, то, боясь, как бы они не впали в бездну отчаяния, если он не выслушает их, он, уступая в конце концов их дерзости, допускал к исповеди и назначал целительную епитимию сообразно преступлению. При этом он не переставал усиленно убеждать и горячо заклинать их не укрывать от своих епископов те гнусные поступки, о которых они сообщили ему; и если не удавалось, налагал на них тяжёлую, почти невыносимую епитимию. Из-за этого над ним глумились и язвительно осуждали его поступки, измышляя, что он не должен так поступать. Тем не менее, он получил от владыки папы Пасхалия (*II*) через дома Одуина, аббата св. Гислена, повеление внимательно слушать всех, кто приходит к нему, желая признаться в своих жутких проступках, и соразмерно их преступлениям немедля назначал им целительную епитимию соответственной тяжести, как заповедано покаянной медициной. Позднее то же самое ему повелел владыка папа Иннокентий (*II*). Из сказанного выше можно представить, сколь многие признавались ему в своих гнусностях, причём они никогда не признались бы в этом никому другому, а скорее погибли бы в своих беззакониях.

И к нему стекалось такое множество прибывающего отовсюду народу, что место, где пребывал человек Божий, было окружено со всех сторон, как какой-нибудь замок или город, осаждённый врагами. По этой причине [посетители] отнимали у него столько времени, что он едва успевал немного поесть и чуть-чуть поспать, уступая слабости человеческого естества. Оттого и случалось часто, что многие, желая поговорить с ним наедине, но не имея возможности подойти, во всеуслышание выкрикивали признания в мерзких проступках и гнусных преступлениях. Он же,

отвечая, насколько позволяло время и место, уделял им здравые советы. При этом же большинство из тех, кому удавалось подобраться к нему поближе, насильно обрывали с него одежду и уносили что кому удалось схватить, чтобы иметь в качестве реликвии; хотя он шумно возражал и печалился, возглашая, что он жалкий грешник и отнюдь не таков, каким его считают.

[19] Итак, если мы попытаемся внимательно приглядеться к делам и словам этого человека, то, вероятно, нам покажется, что сердце такого великого мужа, просвещённое столькими добродетелями, было неуязвимо для яда гнусного превозношения духа, ведь он ещё в детстве и юности бдительно уклонялся от разящей, как вражий меч, чумы высокомерия. Возможно, конечно, он был искушаем, но не верится, что мог поддаться, ведь Бог давал ему облегчение (*ср. 1 Кор. 10:13*).

При этом сей порок часто прельщает многих прославленных мудрецов, ведь изрёк мудрец: «На этом свете и роза порой превращается в терновник» (*ср. Гуго Сен-Викторский, Speculum de mysteriis Ecclesiae, cap. III*). Ибо, когда все остальные пороки усмирены и совершенно утихомирены, дракон неусыпный и проворный змий всеми силами начинает пытаться подмешать закваску гнусного превозношения к благим делам и тем сквасить всё тесто искренней благостыни; ибо когда гордыня примешивается к каким-либо деяниям или помыслам, она становится причиной их гибели, ибо она издавна низвергает ангелов и людей. Поэтому некий мудрец предписал избегать её даже при правильных поступках (*ср. св. Августин, De natura et gratia, cap. XXVII*). И кто наслаждается этой чумной заразой, тот, по словам Иеронима, – книжник и фарисей, который предпочитает казаться и слыть среди людей добрым, нежели быть таковым (*ср. св. Иероним, Lib. 2 Coment. in cap 23. Matth*).

[20] Итак, народ, привлекаемый славой этого дивного мужа, стекался к нему со всех краёв света, однако же пусть никто не подумает, будто к нему приходили только неграмотные простецы и невежды! Отнюдь; часто посещали святого мужа епископы, архидиаконы, аббаты, отшельники, монахини и всякого рода иноки и учёные, знатные господа и дамы с признательностью вверялись его заступничеству и молитвам, не забывая при этом ему исповедоваться. И дивились человеку Божию, словно бы зверю многоголовому. Ибо кто не изумился бы, услышав о человеке, который столько лет совершенно ничего, как было сказано, не пьет и хлеба не ест? Как мне кажется, если бы он мог выжить совсем без пищи, как жил без хлеба и питья, то он вообще ничего бы и не ел. Но поскольку это никак наперекор природе не осуществить, он избрал себе в пищу упомянутую бросовую снедь, употребляя которую можно было кое-как прожить. И хотя я знаю, что дивен Христос в святых Своих, всё же, изумляясь до глубины души, дивлюсь и, подивившись, восклицаю, говоря: «О, непостижимая бездна премудрости и ведения Божия!» (*ср. Рим. 11:33*) Сколько душ, обманутых диавольскими ухищрениями, муж сей простой и не особо грамотный спас лекарством исповеди и покаяния из тенет диавола – вернее, сам Бог чрез него! И хотя он не был образно подобен чаре при Скинии завета, от которой всякий утоляет жажду мудрости; был он, по крайней мере, чашечкой, из которой многие, испив хоть глоточек учения, по вдохновению Божию обретали блаженное забвение наихудших деяний. Поэтому, когда он придёт на суд, то не с пустыми руками явится, а приведёт с собою многие сонмы и с ликованием услышит от Господа: «Хорошо, добрый и верный раб!» и т.д. (*Мф. 25:21*).

Кстати, наряду с прочими он обратил от суетного шутовства на путь истины и того самого скомороха, песня которого когда-то промыслительно вдохновила его к истинному благочестию (*монашество. – прим. пер.*).

[21] После ряда таких замечаний стоит сказать, что если кто попытается обдумать вышеизложенное и внимательно рассмотрит порядок событий, то обнаружит, что иерей Христов мистически принёс Богу в жертву голову, но и хвост тоже (*ср. Ис. 9:14, 19:15*), ведь, приходя от силы в силу, он благое начало дополнил исходом ещё лучшим, уповая явиться пред Богом на Сионе (*ср. Пс. 83:8*). Короче говоря, подытоживая вкратце всё, что в разных местах было написано о досточтимом муже, скажу, что вся жизнь его была мученичеством, чудом, утешением несчастных, отрадою грешников, трудом и подвигом, любовью и страхом пред Тем, Кто грозно молвил в Евангелии, говоря: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (Лк. 9:23), а иначе недостоин Меня (*ср. Мф. 10:38*)». Не был Айберт глух к сим словам и, неся свой крест с изрядным усилием, следовал за Ним, любя Его, как отца, и боясь, как господина.

Не подлежит также сомнению, что всемогущий Бог через слугу Своего творил и чудеса, как при жизни его, так и после смерти, и они в надлежащее время станут известны, когда с Его помощью будут преданы письменам. Впрочем, он в изобилии был наделён многогранным даром любви, что присущ только добрым и куда ценнее, нежели дар чудотворения, присущий и добрым, и злым. Ведь хотя у него и не было телесной пищи, которой он мог бы угощать нищих и всех приходящих к нему (что является проявлением подлинной любви к ближнему), однако он имел искреннее благорасположение, сокрытое в сокровищнице сердца (а нет ничего дороже для Бога). Посему он был богат хлебом слова Божия, которым питал чрез научение всех нуждающихся в таковом, а ведь сей хлеб настолько лучше телесного хлеба, насколько душа лучше тела.

[22] Впрочем, он с великой радостью сердечной предлагал поесть той дикой снеди, которой сам кормился. Что ведь ещё мог дать тот, у кого вообще ничего не было, кроме власяницы, покрывавшей плоть его, и радушия, которое в очах Божиих не менее драгоценно, чем щедрость дарителя? Так что он давал то, что у него было.

О, если бы давно в пору древних Отцов просияла сия золотая звезда с такой блеском, как бы её в наши дни прославляли, хвалили и превозносили! Ведь есть такие люди, для которых чем [святы] древнее, тем дороже и ценнее по сравнению нынешними, кого они видят своими глазами, главным образом потому, что они древнее, хотя это слабый и недостаточный повод. Однако раз время имеет такое большое значение, что из-за этого древние заведомо предпочитаемы нынешним, тогда, пожалуй, можно предположить, что, вероятно, святого мужа, кого современники пока не удостоили хвалы и прославления, дети наши, достигши зрелых лет, воспоют великолепными словами.

А поскольку велика заслуга сего святого пред Богом, воззовём-ка, возлюбленные братья, к нему с умилением и благоговением, дабы по молитвам его и заступничеству обрели мы у источника милосердия, Господа нашего Иисуса Христа, прощение грехов наших, ибо жаждем возвышения славы его и чести, ибо любили его живого и любим по смерти. Равным же образом [просим для] всех, кто кротко и смиренно взыскует предстательства его, радости вечного блаженства, коему не будет конца. Аминь.

ГЛАВА IV. КОНЧИНА, ПОГРЕБЕНИЕ, ЧУДЕСА

[23] Однако, чтобы не утомить слушателей обильными речами и многими письменами, стоит, пожалуй, отказаться от них и устремиться со всей возможною быстротою к концу повествования.

Итак, по истечении пятидесяти лет (может, чуть больше или меньше) с тех пор, как он стал монахом (и до конца их он, как было сказано, сурово подвизался), что следовали за порою (в течение коей он обращался с собою ничуть не мягче) его пребывания в ските с Иоанном, славным монахом и святым иереем; так вот, по прошествии стольких лет за несколько дней до Пасхи Господней он заболел болезнью смертельной.

Когда же он почувствовал, что ему уже ни за что не поправиться, он попросил позвать дома Ингельберта, тогдашнего приора криспинской общины. Его привели, и он помазал Айберта святым елеем, а также благочинно укрепил его причастием Господня Тела и Крови.

Затем, как раз в пресветлый день святой Пасхи, которую тогда выпало праздновать 7 апреля, около девятого часа дня (*т.е. примерно в три часа пополудни. – прим. пер.*) он испустил дух и блаженно почил в Господе, славно преставившись от сего мира к Отцу, дабы царствовать с Ним во веки. Друзья держали святые останки два без погребения, намереваясь похоронить на третий день.

Ну а тем временем аббаты, иноки и инокини, а с ними люди обоего пола собрались отовсюду на похороны святого мужа и со свечами да лампадами провели в святом и благоговейном бдении обе ночи, ожидая торжественного погребения, назначенного на третий день.

И вот он, вторник, настал. Когда солнце разлило повсюду лучи сияния своего, аббаты монастырей Криспин и Св. Аманд вместе с прочими иноками и достойными мужами в плаче, и рыдании (*ср. Ил. 2:12*), и с громким воплем (*ср. Быт. 27:34*) предали земле досточтимые останки в том самом месте, где находилась его келейка.

Там по заступничеству его и молитвам больные в ответ на благоговейные просьбы свои обретают многие благодеяния по милости Господа нашего Иисуса Христа, Который живёт и царствует с Отцом и Святым Духом, Бог во все веки веков. Аминь.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ
КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА**